

## *Солнце в зените*



Из тумана, окутавшего поле битвы при Барнете, воссияло солнце дома Йорков<sup>1</sup>. Эдуард IV Йорк наголову разбил своего злейшего врага, графа Уорвика, наконец-то избавившись от того мучительного напряжения, какое овладевало им при одном упоминании имени этого властного и честолюбивого вельможи, которого в Англии прозвали Делателем Королей и которому Эдуард был обязан тем, что десять лет назад взошел на трон.

И вот Эдуард мог теперь сказать, что восшествием на престол он ныне обязан только своему мечу. Он поднимал чаши на пирах и веселился, но его ненависть еще не насытилась, и он не отдал, как ранее, приказа — щадить простых солдат, казня лишь рыцарей противника. В тот день земля Барнета насквозь пропиталась кровью. Избиение было жестоким, ибо Эдуард Йорк не мог забыть простому народу любви и преданности, которые тот выказывал Уорвику.

Однако не успел король насладиться заслуженным торжеством, как прибыли гонцы с сообщением, что союзница Уорвика, королева Алой Розы, воинственная Маргарита Анжуйская, вместе с сыном, наследным принцем Эдуардом, высадилась на юге Англии, чтобы продолжить борьбу за дело Ланкастеров — партии, оспаривающей у Йорков право на престол.

Королю Эдуарду вновь предстояло сражение. Но была ли тому причиной победа над Делателем Королей или с возрастом он тверже уверовал в свои силы, однако король оставался

---

<sup>1</sup> В гербе Йорков было изображено восходящее солнце.



спокоен и собран, и его твердость и отвага передавались сподвижникам.

Спешным маршем Эдуард двинулся из Лондона на запад. Еще раньше туда же поскакал его младший брат Ричард Глостер и, засев в своем городе Глостере, не впустил в него войско королевы, тем самым преградив ей путь. Войска ланкастерцев неожиданно оказались связаны по рукам и ногам. Дороги были трудными, продовольствия в обрез, перед ними находился хорошо укрепленный город с сильным гарнизоном, а гонцы уже приносили вести о приближении армии Эдуарда Йорка.

Маргарита без промедления отвела уставшую армию к северу. Это была королева-воительница, которая провела более полутора десятилетий в седле, сражаясь с приверженцами Белой Розы. Ей было уже за сорок, но она упрямо скакала в покрытой пылью одежде впереди войска, подбодряя своим примером измученных ратников. Рядом с ней ехал красивый светловолосый юноша — Эдуард Уэльский. В отличие от гордо восседающей в седле королевы он казался подавленным. И как могло быть иначе, если гонцы, сообщившие о разгроме войск его тестя под Барнетом, принесли также и горькую весть о трагической кончине его юной супруги — дочери Уорвика Анны Невиль.

Эдуард был сокрушен. Он так спешил к ней, так надеялся, что, когда они вновь увидятся под небом старой Англии, все изменится и Анна станет ему покорной и доброй супругой! Она сама писала ему, как тоскует и ждет... И вот — конец. Принцу Уэльскому сказали, что ее тело обнаружили в каком-то болоте. Поговаривали также, что принцесса сама бросилась в омут от отчаяния, а это страшный грех...

— Поднимите голову, сын мой! — окликнула его королева. — Ваши воины глядят на вас, и вы должны быть твердым как камень, даже если вы и в трауре.

Они приближались к Тьюксбери, когда их настигли передовые отряды Эдуарда Йорка.

Битва произошла на открытой равнине у ручья. Ланкастерцы были повержены, войско их смешалось в беспорядке, и многие кинулись бежать. Йоркисты настигали их и резали как скот, ибо Эдуард IV, как и при Барнете, не велел щадить ни рыцарей,

ни солдат, ни обозных мужиков. С тех пор за этим местом закрепилось название Кровавый Луг.

После битвы король Эдуард в окружении братьев и военачальников пировал в шатре, когда его люди ввели связанного и окровавленного принца Эдуарда Уэльского.

— Что привело тебя, мальчишка, французский прихвостень, в Англию? — спросил у юноши король Эдуард.

Принц Уэльский гордо повел плечами.

— Я прибыл на эту землю, чтобы вернуть корону своему отцу, законному властителю Генриху VI, — корону, унаследованную им от отца и деда, королей Англии.

Он держался настолько надменно и невозмутимо, что изрядно охмелевших победителей охватила слепая ярость. Толковать было больше не о чем, и несчастного принца буквально искромсали ножами и кинжалами. Когда его окровавленные останки вышвырнули из шатра, то стоявшего у входа стражника едва не вывернуло наизнанку.

На другой день стало известно, что часть ланкастерцев укрылась в аббатстве в городке Тьюксбери, и король отправил младшего брата, Ричарда Глостера, покончить с беглецами. Когда этот горбатый, но воинственный юноша подъехал к обители, сам настоятель вышел к нему навстречу, умоляя пощадить несчастных. Но Глостер после вчерашней пирушки чувствовал себя неважно и поэтому, не став слушать старика, заявил, что у аббатства нет прав убежища и он, как констебль Англии, требует выдачи беглецов. Утром следующего дня всех ланкастерцев казнили на рыночной площади в Тьюксбери.

А через несколько дней в одном из уединенных монастырей была схвачена и скрывавшаяся там королева Маргарита. С ней не церемонились, и довольные собой йоркисты тут же выложили королеве страшную весть о гибели принца Эдуарда.

С этой минуты Маргарита Анжуйская перестала отвечать на вопросы и больше не проронила ни звука. Солдаты грубо посадили королеву по-мужски на старую клячу, связав ей ноги под брюхом животного, и в таком виде как военный трофей доставили в Тьюксбери. У ворот города навстречу ей выехали все три брата Йорка — Эдуард, Джордж и Ричард. В пышных облаче-

ниях, на великолепных конях под богатыми попонами, они, хоча, смотрели на эту втопанную ими в грязь женщину.

В этот миг Маргарита Анжуйская подняла голову и, протянув к ним связанные в запястьях руки, прокляла торжествующих Йорков:

— Да следуют за вами дурные предзнаменования! Да поразят вас болезни, горе и тоска! Живите среди лжи и предательства, и пусть вас обманут те, кому вы доверитесь! Дай вам Бог испытать раскаяние, когда будет поздно каяться, и пусть ваше потомство сгинет до срока! Будьте долговечней своей удачи и своих близких, познайте ужас и отчаяние, и да постигнет вас злая смерть!

Ее слова прервал смех Эдуарда. Он раскатисто хохотал, обнажая ряд ровных красивых зубов.

— Что ж, змея, теперь, когда у тебя вырвали жало, попробуй ужалить, если сможешь!

И, дав шпоры коню, он пронесся мимо, обдав плененную королеву пылью и комыями земли.

Однако оставался еще один человек, о котором Эдуард должен был подумать и решить его судьбу. Это был плененный король Алой Розы, муж Маргариты, Генрих VI Ланкастер. Сей монарх — последняя надежда приверженцев прежней династии, и, пока он жив, йоркисты не могли праздновать окончательную победу. К тому же волнения, поднимавшиеся в Англии в защиту взятого в плен «святого» Генриха, не могли не тревожить Эдуарда IV и его сторонников. И пусть несчастный монарх почти безумен, но если его освободить из темницы, еще не ясно, на чьей стороне окажется народ и не соберутся ли опять опальные ланкастерцы вокруг короля Ланкастера.

Эдуард вернулся в Лондон, но покоя в его душе больше не было. Он понял: пока жив Генрих VI, он не может позволить себе благодушия. Ведь существовала и мятежная провинция Кент, на свободе оставались графы Оксфорд и Пемброк, поспешившие под защиту французского короля Людовика, и дальний родственник Ланкастеров, юный Генрих Тюдор. Эти решительные эмигранты представляли серьезную опасность для власти Йорка, и Эдуард, уже однажды потерявший из-за своей беспечности корону, не хотел повторять старых ошибок.

Стояла глухая ночь. Бодрствуя, король задумчиво рассказывал по огромному залу древнего Вестминстера. Его шаги гулко отдавались в пустоте. От резных деревянных перекрытий под сводчатым потолком слабо доносился запах свежего лака. В дальних концах зала горело по факелу, посередине же царил полный мрак.

Слабо скрипнула дверь. Эдуард от неожиданности вздрогнул, но тотчас перевел дух, увидев на стене горбатую тень Ричарда Глостера.

— Это ты, Дик?<sup>1</sup>

Между королем и его младшим братом в последнее время было полное доверие. Что греха таить, бывали времена, когда между братьями пробегала черная кошка. Случалось и так, что король отправлял Ричарда в ссылку в его владения в Глостере. Но после того как Дик отважно бился за старшего брата под Барнетом и именно его стремительная атака и удачная сшибка решили исход битвы под Тьюксбери... Нет, после всего этого Эдуард не мог не приблизить к себе Ричарда и не осыпать его милостями. Он доверился брату абсолютно, и это, очевидно, начинало злить среднего из Йорков — Джорджа Кларенса.

— Чего тебе, Дик? — спросил король, когда Глостер подошел ближе.

У младшего Йорка одно плечо было значительно выше другого, он горбился и при ходьбе заметно приволакивал ногу. Ричард был калекой от рождения, но при этом во всех его движениях чувствовались неожиданная сила, пластичность и ловкость.

— Я знаю, что тебя тревожит, Нэд<sup>2</sup>, — мягко проговорил Ричард Глостер. — И считаю, что ты прав. Ты не сможешь успокоиться, пока жив этот полоумный Генрих Ланкастер. Тебе следует уничтожить его!

Эдуард вздрогнул, странно взглянув на брата. Он был почти на голову выше, и насколько Ричард был согбен, настолько статен и хорош собой был Эдуард. «Шесть футов мужской

<sup>1</sup> Дик — уменьшительное от Ричард.

<sup>2</sup> Нэд — уменьшительное от Эдуард.